

Такова литературная жизнь

Лит. газ. 1993, 10 нояб. - с. 3.
**Говорят, Тургенев
устарел...**

К 175-летию со дня рождения

Москва, Орел, Томск, Челябинск, Казань, Иркутск, Тверь, Ульяновск, Иваново, Воронеж, Екатеринбург, Томск, Ставрополь, Уфа, Борисоглебск... Есть ли в России город, где бы не читали и не любили Тургенева? Прибавьте к этому ближнее зарубежье – Киев, Вильнюс, Тирасполь, Ялту, Одессу и зарубежье дальше – США, Германию, Румынию,

Японию, Китай... – и вы получите полный географический отчет о Международной научной конференции "И.С. Тургенев и современность". Состоялась она в Московском государственном университете и была посвящена 175-летию со дня рождения классика русской литературы.

Разумеется, уже в самом начале конференции было заявлено: основная задача представительного форума – попытаться по-новому, "чистыми и честными глазами" взглянуть на творчество Тургенева, ибо, что греха таить, ученые бывшего Союза отдали за последние 70 лет "немалую и не всегда оправданную дань идеологизированной, а порой и политизированной трактовке творчества русских классиков".

Послушав ряд докладов и сообщений (а всего их в программе конференции 70!), нужно признать, что идеологической зашоренности уже нет. Однако не обнаружился и заявленный "новый взгляд". Скорее всего, это дело будущих конференций. А пока присутствовавшие удовлетворялись традиционными добротными, порой очень интересными выступлениями, свидетельствующими, по выражению одного из ораторов В.Недзвецкого, что "пора личности в России, вопреки всему, наступает" и современное прочтение, современная научная интерпретация тургеневского наследия стала естественной и актуальной потребностью тургеноведения.

Об этом же и коротенькие интервью "ЛГ" известным зарубежным литературоведам.

Рольф КЛУГЕ (Германия):

– Год назад в Мюнхене вышла моя книга

"Иван Тургенев. Поэзия между надеждой и разочарованием". Сегодня существуют, например, литературные течения абсурда и постмодернистское разочарование в бывших системах культуры и литературы. Но у Тургенева по-прежнему можно учиться в гармонических, совершенных, эстетических формах описывать и глубокие противоречия, и глубокие несостоятельные явления, и загадки жизни.

Как ни покажется странным, романы Тургенева "Дворянское гнездо", "Отцы и дети" числятся у нас в Германии в списках бестселлеров. Эти сведения у меня от издателей, весьма успешно продающих тургеневские книги. Год назад по нашему телевидению был показан новый фильм по сюжету романа "Дым". Конечно, приходится признать, что популярность Тургенева уступает популярности Толстого и Достоевского, но все же он и сегодня очень известный и читаемый автор. Естественно, сказывается, что писатель жил в Баден-Бадене, что он писал о Германии, что у него были тесные связи с немецкими литераторами. Но сейчас речь – о качестве его сочинений, эстетическом и идейном качестве, о совершенстве их формы. Когда я со студентами прохожу тему "Структура романа как жанра", мне кажется, что во всей мировой литературе не найти более яркого примера для этой цели, чем "Отцы и дети".

Самому мне Тургенев и как писатель, и как человек весьма близок и симпатичен.

Роберт ДЖЕКСОН (США):

– По свидетельству русского очевидца, на смертном одре в Буживале бред умирающего

Тургенева начался как раз тогда, когда он перешел от французского к русскому языку: "Прощайте, мои милые, мои балесоватые..." "Qu'est ce qu'il dit, qu'est ce qu'il dit?" Что он говорит, что он говорит? – восклицали французы, окружившие смертное ложе Тургенева.

Как известно, Тургенев пользовался большой популярностью у читателей в XIX веке. Но пришло время, когда его читатели, как и французы у смертного одра, начали сгущивать: "Qu'est ce qu'il dit?" Они больше не понимали его. Что же случилось? Ирландский романист Джордж Мур хорошо описал настроение нового поколения в конце XIX века, его переход от Тургенева к Достоевскому. "Тургенев становится слишком сдержанным для нас, – писал Мур, – слишком много недосказанного в его работе. Он великолепно снимает шкуру с темы, но мы хотим видеть потрошение и повешение туши". Последний образ Мура точно предвосхищает будущую судьбу многих народов в XX веке. Апокалиптическая тенденция Достоевского, "максимализм", проявляющийся во всех аспектах его жизни и творчества, были совершенно чужды Тургеневу. Для него важны такие понятия, как мера, уравновешенность, как "равновесие" жизни и природы.

В своей речи к 25-й годовщине смерти Тургенева Д.Мережковский писал: "Тургенев, говорят, устарел. Две исполкинские кариатиды русской литературы – Л.Толстой и Достоевский – действительно, заслонили от нас Тургенева. Навсегда ли? Надолго ли? Не суждено ли нам через них вернуться к нему? В России, стране самосожжений, стране самых неистовых чрезмерностей, Тургенев едва ли не един-

ственный, после Пушкина, гений меры и, следовательно, гений культуры".

Сам Тургенев в Пушкинской речи 1880 года вспоминает отзыв Баратынского на бумаги Пушкина, которые тот разбирал после смерти поэта: "Можешь ты себе представить, что меня больше всего изумляет во всех этих поэмах? Обилие мыслей! Пушкин – мыслитель! Можно ли было это ожидать?" То же самое мы можем сегодня сказать об отношении читающей публики к Тургеневу. Но я согласен с Мережковским, настанет день, когда "толпа" благодарно вернется к гению меры, красоты и культуры и, как Баратынский, воскликнет: "Тургенев – мыслитель! Можно ли было это ожидать!"

Ко всему вышесказанному остается добавить, что Международная научная тургеневская конференция имела и вполне практическую цель – создание Международного тургеневского общества, которое будет осуществлять работу по популяризации наследия Тургенева во всем мире, по изданию материалов о нем, а также будет в случае необходимости оказывать финансовую поддержку своим членам.

Ирина ТОСУНЯН